

УДК 340.154

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-14-23

ПРАВОВЫЕ ПРОЕКТЫ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В ЯНВАРЕ-ФЕВРАЛЕ 1730 Г. КАК НАЧАЛО РАННЕГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Токмаков Д. С.¹, Попов Г. Г.²

¹Ставропольский государственный аграрный университет

355035, г. Ставрополь, Зоотехнический пер., д. 12, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте
Российской Федерации

119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить политико-правовую природу конституционных проектов начала 1730 г.

Процедура и методы. Проведён политико-правовой сравнительный анализ «конституционных» проектов и прочих свидетельств в области истории российского права, связанных с попыткой изменения политического строя в Российской империи в связи с заговором Верховного тайного совета в начале 1730 г.

Результаты. Выявлено, что сторонники ограничения власти монарха в России исходили из положений естественного права, хорошо известных тогда среди образованных россиян. Отсутствие в России правовых традиций парламентаризма привело к тому, что конституционные проекты начала 1730 г. имели мало общего с такими проектами в ряде стран Запада, но авторы при этом считают, что российское общество не столь далеко в своём правовом сознании ушло от стран континентальной Европы первой половины XVIII в. «Кондиции» «верховников» стали ответом на вызовы своего времени, с которыми столкнулась Россия уже в конце реформ Петра Великого.

Теоретическая и /или практическая значимость. Впервые в изучении истории государства и права России сделан анализ раннего отечественного конституционализма с позиций изучения влияния школы естественного права на российское общество и реакции элит на кризисные процессы в стране. Материалы настоящей статьи могут быть использованы в учебном процессе в рамках предмета «История государства и права».

Ключевые слова: реформы Петра Великого, Верховный тайный совет, ранний конституционализм, Законодательство России в первой половине XVIII в., школа естественного права

LEGAL PROJECTS OF THE SUPREME PRIVY COUNCIL IN JANUARY-FEBRUARY 1730 AS THE BEGINNING OF EARLY CONSTITUTIONALISM IN THE RUSSIAN EMPIRE

D. Tokmakov¹, G. Popov²

¹Stavropol State Agrarian University

Zootechnicheskiiy per. 12, Stavropol 355035, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. Determine the political and legal nature of constitutional projects in early 1730.

Methodology. A political and legal comparative analysis of “constitutional” projects and other evidence in the field of the history of Russian law related to an attempt to change the political system in the Russian Empire in connection with the conspiracy of the Supreme Privy Council in early 1730.

Results. The authors revealed that the proponents of limiting the power of the monarch in Russia proceeded from the provisions of natural law, which were well known among educated Russians at that time. The lack of legal traditions of parliamentarism in Russia led to the fact that the constitutional projects of the beginning of 1730 had little in common with such projects in a number of Western countries, but the authors at the same time believe that Russian society has not gone so far in its legal consciousness from the countries of continental Europe in the first half of the 18th century. The authors believe that the “Conditions” of the “supreme leaders” were the answer to the challenges of their time, which Russia faced already at the end of Peter the Great’s reforms.

Research implications. For the first time in the study of the history of the state and law of Russia, an analysis of early domestic constitutionalism was made, from the standpoint of studying the influence of the school of natural law on Russian society and the reaction of elites to crisis processes in the country. The materials of this article can be used in the educational process within the framework of the subject “History of State and law”.

Keywords: Peter the Great’s reforms, the Supreme Privy Council, early constitutionalism, Russian Legislation in the first half of the 18th century, the school of natural law

Введение

Попытка ограничить власть монарха в Российской империи в начале 1730 г. группой представителей Верховного тайного совета остаётся феноменальным, на первый взгляд, и дискуссионным событием в истории российского конституционного права. Феноменальность заключается в том, что был брошен вызов многолетним политико-правовым традициям, которые диктовали неограниченную царскую власть. Россия не знала Ренессанса, с Просвещением были знакомы только отдельные русские аристократы. По определению западной политологической и правовой мысли России не могли быть присущи традиции парламентаризма и конституционализма в силу означенных выше факторов. Тем не менее мы видим попытку ограничения власти императрицы Анны Иоанновны. Данный факт противоречит и теориям модернизации [17], согласно которым, в стране dogoняющего развития не могут произойти глубокие конституционные изменения, если её общество не пройдёт определённые стадии развития, и этих стадий Россия однозначно к тому времени не достигла.

В этой связи возможны несколько версий причин данного сюжета 1730 г. в истории российского права: русское дворянство

стремилось приблизить Россию к западным образцам политического устройства, что стало вполне логичным продолжением замены старой боярской элиты дворянской (мы сказали бы, что завершением данного процесса); совпадение начала влияния школы естественного права в российском высшем обществе с кризисными процессами в политике и экономике, начавшимися уже в конце правления Петра Великого и нараставшими после смерти последнего; возрождение стремления к допетровским нормам, спровоцированное поисками решений для выхода из кризисной ситуации, в которой находилось российское общество.

Мы не согласны с характеристикой событий начала 1730 г., данной Т. А. Беловой: «Итак, в 1730 г. все так называемые “конституционные проекты” носили аристократический характер и предполагали расширение прав лишь верхушки дворянства. В этой связи искать демократические идеи в подобного рода проектах XVIII в. не приходится. При этом оживившееся дворянство XVIII в. гарантии получения собственных прав искали не в законе, а в самодержавии. В этой связи дворянство, конечно же, стремилось защищать монархическую форму правления в России в качестве гаранта собственных прав и привилегий» [3, с. 372].

Это мнение достаточно хорошо отражает традиционно сложившееся в литературе отношение к «верховникам» и их проектам начала 1730 г. [2, с. 24; 4; 11, с. 285]. Впервые, речь в проектах преобразований управления в России шла все-таки не только о привилегиях, но и об элементарных правах служилого сословия, например, о содержании инвалидов войны, которые не имели личных доходов. Важным пунктом был вопрос контроля за губернаторами со стороны Сената, но это уже не касается привилегий, а, скорее всего, является плодом осознанной необходимости борьбы с произволом и коррупцией региональных властей. Здесь мы близки к мнению советского историка Г. А. Протасова, который считал, что «Кондиции» стали ответом высшей российской бюрократии на вызовы своего времени [16]. Правда, до конца не понятно, почему такой ответ в форме попытки ограничения власти монарха появился именно в начале 1730 г., да и, в целом после петровских реформ, ведь с тяжёлыми государственными кризисами и до этого, и в дальнейшем Россия сталкивалась неоднократно. А. Г. Кузьмин попытался дать ответ на этот вопрос, связав «Кондиции» с популярным тогда среди высшей русской аристократии опытом Швеции [8, с. 143]. Можно согласиться с А. Н. Сахаровым, что в начале 1730 г. могла произойти смена парадигмы развития России [18], но только отчасти, т. к. парламентаризм и буржуазная демократия, в целом, появиться в то время в России не могли, уже хотя бы потому, что для всего этого требовалась достаточно многочисленная и политически активная буржуазия, которая видела в конституционализме гарантии защиты своих прав, и в первую очередь права на частную собственность. А. Б. Плотников в итоге анализа юридических документов «верховников» не сделал определённых выводов насчёт самой политико-правовой природы попытки ограничить права монархии в России в начале 1730 г., сведя всё к конфликту части аристократии с династией Романовых [13].

Целью настоящей работы является определение политико-правовой природы

конституционных проектов начала 1730 г. Из цели вытекают следующие задачи:

1) рассмотреть проекты государственного переустройства «верховников» и других лиц, подававших эти проекты;

2) дать аналитическую оценку этим конституционным проектам на предмет содержания в них решений общенациональных и узко сословных задач;

3) рассмотреть политико-правовые взгляды А. И. Остермана как лица, входившего в Верховный тайный совет и оказывавшего серьёзное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России в 1720–1730-е гг.;

4) выявить связь конституционных проектов начала 1730 г. с естественным правом.

Для решения поставленных выше задач выбран политико-правовой сравнительный анализ «конституционных» проектов и прочих свидетельств в области истории российского права, связанных с попыткой изменения политического строя в Российской империи по причине заговора Верховного тайного совета в начале 1730 г.

Проекты конституционного устройства России в начале 1730 г.

Когда идёт речь о проблеме легитимации и границ суверенитета власти монарха в России, в первую очередь представляем незыблемый принцип самодержавия, который фактически появляется в XIX в., после уже социально-политических потрясений Наполеоновских войн и вызванного ими в значительной степени Восстания декабристов. XVIII в. в России и за рубежом был достаточно богат на поиски оптимальной модели монархии в европейских государствах. В этих поисках участвовали и сами монархи. В России это было связано в немалой степени с формированием механизма передачи власти уже в условиях ранней модернизации общества. Вторая важная проблема, которую приходилось решать российскому обществу в этом веке, заключалась в отношениях верховной власти к частной собственности, особенно к крупной земельной собственности, т. к. до XVIII в. царь являлся верховным

хозяином земли в стране, это было пережитком вотчинной модели государственности, сложившейся ещё в монгольский период. Третья – отношения официального Санкт-Петербурга с окраинами, т. к. вхождение народов в состав России шло сложно, оставляя после себя много нерешённых юридических и политико-ментальных проблем. Четвёртая проблема – популярность монарха в глазах знати, а также около элитарных слоёв общества, в этом смысле период между смертью Петра Великого и приходом к власти Екатерины был достаточно плодотворен на интеллектуальные поиски в этой сфере, т. к. российское общество очень тяжело познало такую проблему, как случайность личностных особенностей пришедшего к власти монарха, особенно сложным оказался в этом смысле период царствования Анны Иоанновны.

Частые смены монархов в России после смерти Петра I ошибочно было бы связывать только с запутанным Законом о престолонаследии. Модернизация подразумевала формирование общественного мнения и общественных политических групп, имевших определённые взгляды и интересы [20, pp. 148–160]. Сама тема институционально-правовой модернизации России в XVIII в. мало изучена и дискуссионна, остаётся открытым вопрос, насколько российское общество далеко ушло в этом веке от Востока в сторону Запада, включая изменения права, и насколько до этого оно было близко к восточным моделям социально-политического устройства [1; 5; 6; 9; 14; 15; 21].

Пётр Великий оставил после себя такой сложный орган власти, как Сенат, который значительно отличался от Боярской думы. Другой серьёзный институт власти в России XVIII в. – генералитет, тоже созданный Петром I, именно он сыграл важную роль в кризисе начала 1730 г., когда произошла «Затейка верховников», или попытка части русской аристократии ограничить императорскую власть, создав какое-то подобие конституционного строя.

В так называемом заговоре «верховников» принимает участие стихийно возникший после смерти Петра Великого орган –

Верховный тайный совет (был подчинён Сенату, являясь фактически его продолжением), состоявший из аристократов и опытных чиновников. В конце января 1730 г. они уговорили Анну Иоанновну подписать «Кондиции», когда она ещё находилась в Митаве. 13 февраля того же года (по новому стилю) «верховники» предложили дворянству подготовить проекты будущего государственного устройства. Всего было подано 7 проектов.

Проект Верховного тайного совета («Кондиции») от конца января 1730 г. напоминает, в целом, попытку закрепить за данным органом власти уже присвоенные им к тому времени полномочия, но в то же время он не выходит далеко за рамки регулирования отношений между монархом и высшей бюрократии в стране: «Чрез сие накрепчайше обещаюся, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о содержании, но и о крайнем и всевозможном распространении православы нашей веры греческого исповедания. Ещё обещаюся, что понеже целост и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне, уже утвержденный верховный тайный совет в 8-ми персонах всегда содержать и без онаго верховнаго тайнаго совета согласия: 1) Ни с кем войны не начинать. 2) Миру не заключать. 3) Верных наших подданных новыми податями не отягощать. 4) В знатные чины, как в стацкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга – не жаловать, ниже к знатым делам никого не определять. 5) У шляхетства живота, чести и имения без суда не отнимать. 6) Вотчины и деревни не жаловать. 7) Государственные доходы в расходы не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать» [7, с. 75]. Из перечисляемых 7 пунктов только 4-й содержит положение, распространяемое на всё общество. Видно, что «верховники» опасались наделяния огромными властными полномочиями некомпетентной Анны Иоанновны, подобный опыт уже имел место в сюжете с Екатериной I.

Главный мотив «Кондиций» связан с распространением православия, но это вызвано в целом с восприятием дворянством и большей частью крестьянства русского монарха как борца за веру. Такой мотив редко содержался у европейских монархов. 19 января 1730 г. был сформулирован новый перечень «Кондиций», где мотивационная часть полностью отсутствует, при этом есть 2 новых пункта: запреты на вступление в брак и назначение наследника [7, с. 76]. Отправленные в Митаву 19 января 1730 г. «Кондиции» ещё строже ограничивают власть императрицы. В частности, гвардия и армия ставились под командование непосредственно Верховного тайного совета [7, с. 77]. Интересен пункт «излишних податей с крестьян не имать» [7, с. 77]. Этот пункт, очевидно, появился не из соображений гуманизма, а памятью о кризисе аграрной экономики, вызванном введением подушной подати в конце правления Петра I, что нанесло удар также по благосостоянию дворянских поместий, которые держались на труде крепостных крестьян. В конце этой редакции «Кондиций» сказано: «Правда, что Бог всем владеет, и Он вложил в сердца Ваши такое попечение о мне, однакож я тот поступок почитаю за великое Ваше и всего народа усердие ко мне. И намерение мое ко всему народу и к вам, сколько Бог мне поможет, всякую милость казать и во всем отечеству моему пользы и благополучие искать» [7, с. 77]. Таким образом, власть монарха обусловлена, в понимании «верхников», только волей Бога, который воздействовал на народ в том смысле, что последний решил доверить свою судьбу монарху.

Примечательно, что в «Кондициях» нет ссылок на старые системообразующие в законодательстве нормы, от Анны Иоанновны не требуют соблюдать законы предков, как это часто встречается в текстах присяг западных монархов. В своей работе «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В. Н. Татищев писал: «Закон гражданский и царский едино, о котором у нас многие за растерянием от незнания пользы древних мнят, якобы до Уложения

1649 г. никаких не было, а судебник царя Иоанна I, хотя разные списки находят-ся, несмысленные, не зная его пользы и потребности, за непотребной почитают, и для того оной доднесь не печатан. Но мы находим весьма древние законы: 1) Славенской, сочиненной задолго до прихода Рюрика, на которой Олег I и по нем Игорь, сын Рюриков, в договорах со греки ссылаются, и в нем точно то написано. 2) Ярослава I-го, в 1019 г. данной новгородцам. Оные оба поп Иван новгородской, жившей при Александре Невском, в его летописи до нас сохранил. Но они так древни, а особливо первой, что я с великим прилежанием и призыванием многих древних гисторей читателей трудился изъяснить, токмо не мог все точно уразуметь, для того ту древнюю летопись и законы со истолкованием отдал в Академию наук, которое за ненапечатанием лежит туне и мало кто знает. Во оных же о наследстве ничего не находится, однако ж Константин Мудрый великий князь ссылается о наследстве на закон русской, но по тому видно, что был, но погиб. Иоан I показывает на уложение дедово и отцово, но их нет. 3) Судебник царя Иоанна I хотя принят за основание Уложения 1649 г. и на него часто в делах таких, которых в новом точно не описано, ссылаются, токмо и то туне оставлено; оное со истолкованием выше-объявленным со многими весьма нужными последовавшими по 1610 год указами вышеписанным приобщено. 4) Уложение 1649, потом Петра Великого с 1714 г. и наследников его по 1741 г. в разных книгах напечатано, но понеже многое во оных недостает или есть, да неясно, и оные один другому противоречат, для того с 1719 г. о сочинении нового уложения трудятся, но мнится, что за многими прихотями никогда не дожидаться»¹.

Таким образом, единственный полный свод законов, понятный и принимаемый дворянством, – это Уложение 1649 г., которое, по мнению Петра Великого, нуж-

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. История Российская. Т. 8. Избранные произведения. М.: Ладомир, 1996. С. 282–283.

далось в переработке, что и стало, скорее всего, причиной, почему «верховники» не ссылаются в «Кондициях» ни на какие законодательные акты и даже на нормы обычного права, а рассуждения о воле Бога к таковым едва ли можно отнести.

Правда, в рамках теории естественного права воля Бога трактуется в качестве закона, отсюда следует, что «верховники» строго придерживались этой теории, которая не имела национальных русских корней. В. Н. Татищев так характеризует монархию в рамках теории естественного права: «Закон естественный. Законодавец есть высочайшая власть, в божеских един бог, а в человеческих разн, яко в монархиях или единовластии государь, которой никакому человеческому закону не подвержен, в аристократиях государь со знатыми людьми, иже и соопределенные правлению зовутся, в демократиях или общенародиях выбранные и определенные от народа сочиняют, утверждают и всем для известия объявляют; и сии оба правительства сами законом подвержены. Что же в сочинении законов хранить должно, оное в краткости в том состоит, чтоб было не противное божеским и ко исполнению всем возможное, чтоб было тем языком, которым те подзаконные говорят, к тому точно и ясно написано, особливо в законах, и никакие иноязычные слова и витийственные речения негодны, чтоб наказания по состоянию преступления были довольно умеренные, понеже неумеренные наказания сами разрушают закон, чтоб преждния несогласные оному закону точно объявлены были, что уничтожаются или что из онаго оставляется, дабы из того выборам сужденные привлекать не могли. Главное есть, что короче закон и меньше изъятий имеет, тем менее ябедникам душевредствовать случая оставляет, но притом как никто по иностранным и неведомым ему законам, так и по своим, доколе ему оной был неизвестен, за преступление оного по правости сужден быть не может»¹

¹ Там же.

Судя по проекту об ограничении власти монарха от 7 февраля 1730 г., в составлении которого участвовал генералитет, российское общество не было знакомо со средневековыми нормами русского народоправства, и сам проект сводится в основном к расширению прав и полномочий созданного Петром Великим Сената [7, с. 78]. Сенат рассматривался «верховниками» в качестве исполнительного органа власти. Правда, они предлагали выбирать сенаторов из представителей шляхты и генералитета, как и председателей коллегий [7, с. 78].

Проектом парламента можно было бы назвать некий «общий совет», однако его конкретные процедуры в системе управления империей не упомянуты. Кроме того, «общий совет» – это даже не государственный орган власти в прямом смысле этого слова, а некий принцип принятия законов: «в важных государственных делах также, и что потребно будет впредь сочинить в дополнение уставов, принадлежащих к государственному правительству, – оные сочинять и утверждать вышнему правительству и сенату, генералитету и шляхетству общим советом» [7, с. 78]. Это стоит рассматривать как политическую уступку «верховников» генералитету и шляхетству, но до парламента здесь очень далеко. Возможно, здесь имеет место отсылка к земским соборам, но это только гипотеза, которую, между прочим, высказывали в то время и иностранные послы, гипотеза, потому что конкретных ссылок на допетровские законодательные акты это предложение не содержит и не может содержать, т. к. генералитет в допетровской Руси отсутствовал.

«Конституционный проект» от 7 февраля 1730 г. стал также в значительной степени ответом на кризисные процессы в законодательстве и государственных делах, которые начались, очевидно, уже в конце правления Петра I. На это указывает важное положение в тексте данного проекта: «которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будут от службы, а собственного своего пропитания не имеют,

оним надлежит учинять рассмотрение, и о награждении им пропитания» [7, с. 78].

Другим серьёзным конституционным проектом был проект генерал-аншефа М. А. Матюшкина, троюродного брата Петра Великого, предлагавшего:

- наделить Сенат контрольной функцией за региональными властями [7, с. 80]. Новые законы (буквально «ставы») должны приниматься сообща Верховным советом, генералитетом и шляхетством (механизм данной правовой процедуры не был прописан);

- снизить подати с крестьян, но после тщательного рассмотрения;

- чтобы жалобы дворян, купцов и духовенства и «прочих» рассматривались монархом, потому что на том основана стабильность правления [7, с. 81].

О других сословиях, кроме дворян, сказано вскользь.

И. И. Дмитриев-Мамонов (генерал-аншеф и супруг младшей дочери Ивана V) также подал проект нового государственного устройства, который во многом повторяет предложения М. А. Матюшкина, но всё-таки содержит и отличия, например, расширяются права Сената как и его численный состав до 21 сенатора.

Политико-правовые взгляды А. И. Остермана

Об Андрее Ивановиче Остермане (крещёный в православие выходец из Германии), который занимался в своих разрозненных сочинениях и записках теорией государственного устройства, известно немало [10]. На А. И. Остермана оказал сильное влияние первый в России преподаватель естественного права Хр.-Ф. Гросс, который был губернёром у детей А. И. Остермана и юридическим советником последнего во время династического кризиса 1741 г. Надо отметить, что Остерман не принимал участия в попытке «переворота», устроенного «верховниками» в начале 1730 г., но и активно ему не противодействовал, когда Анна Иоанновна находилась в Митаве.

А. И. Остерман в своих рассуждениях был менее либерален, нежели другой сподвижник Петра Великого – Алексей Александрович Курбатов (1663—1721). Незадолго до своей смерти он представил царю проект «Пункты о кабинет-коллегии», в котором предлагал передать специально созданному одноимённому государственному органу законодательные и контрольные функции [12, с. 47–57].

Политические взгляды Остермана наиболее наглядно отразились в документе «Мнение графа А. И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году». Этот документ является программой укрепления самодержавия в России, но посредством создания системы морального авторитета монарха в глазах его подданных, технической основой чего должен был послужить Сенат. Через последний Остерман предлагал ужесточить контроль императрицы за судами в России [19, с. 258]. Важно также завершить создание свода законов империи, разработка которых была задумана ещё около 1720 г. Для этого необходимо создать специальную комиссию из 2 представителей духовенства и 2 юристов, «некоторых из гражданства» (он имел в виду аристократов) [19, с. 259].

По мнению Остермана, власть монарха должна быть ограничена в силу технического обстоятельства: один человек не может всё знать и всем управлять, поэтому часть полномочий центральной власти нужно передать «министрам» [19, с. 259].

В религиозных вопросах А. И. Остерман настоятельно рекомендовал Анне Иоанновне руководствоваться «Духовным регламентом» Петра Великого на том основании, что он получил одобрение от «всего народа» [19, с. 281], т. е. правовое основание закона сводится к поддержке такового народом (не очень понятно, что он имел в виду под последним, но, скорее всего, речь о дворянстве и части купечества). По мнению Остермана, церковь обязана заниматься больницами и училищами, последнее особенно важно для государства [19, с. 281] (т. е. речь идёт о распространении образования).

Большая часть работы царедворца посвящена вопросам устройства армии и военно-морского флота, и это говорит о том, что о коренном переустройстве государства в конце правления Анны Иоанновны политик всё-таки не задумывался. Однако «одобрение народа», в его понимании, есть основание легитимности законов, которыми руководствуется монарх.

Не стоит думать, что А. И. Остерман был только теоретиком в сфере политического устройства государства и других вопросах. В частности, его идея, что свободный труд производительнее подневольного, происходила из опыта работы государственных судостроительных верфей, где он применил денежное поощрение по отношению к занятым там военнослужащим младших чинов. Он отметил, что люди стали работать эффективнее, что принесло выгоду государству [10, с. 60]. Здесь царедворец руководствовался практическим опытом и выгодой государства, а не благом индивида, как это следовало бы из теорий гуманистов.

Заключение

Сознание российского общества находилось ещё в пределах представлений средневековых людей о праве власти монарха, данной ему Богом, и здесь россияне не отличались ничем от французов или немцев первой половины XVIII в. Государств республиканского типа тогда

было очень мало. Поэтому содержащие консервативные идеи проекты «верховников» и лидеров шляхты, в целом, не были продуктом отставания России от Запада. Однако парламентаризм чётко не прослеживается в этих проектах, есть только отдельные неясные идеи на этот счёт.

Надо особо отметить, что авторы конституционных проектов не апеллировали к праву допетровской Руси, но чётко видна связь их идей с естественным правом. В этом смысле уже имела место правовая модернизация российской элиты. Однако связано это было не с развитием рыночных отношений и буржуазного сознания, а с потребностью улучшить работу бюрократического аппарата, возникшей в конце правления Петра Великого. По этой же причине не было и парламентаризма.

Это отличает российскую институциональную модернизацию от западной. Правда, мы не стали бы проводить здесь жёсткую грань между Россией и всем Западом. Те же физиократы не мыслили в середине-конце XVIII в. развитие Франции вне системы королевской власти. Но у французов был опыт Генеральных штатов, о котором они вспомнили в канун своей Великой буржуазной революции. Российские реформаторы, в отличие от западных интеллектуалов, мало обращались к опыту средневековой Руси.

Статья поступила в редакцию 23.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алебастрова А. А., Яшина С. Ф. Ретроспективный взгляд на историю становления системы среднего образования России в контексте модернизации // *Modern Science*. 2022. № 5-1. С. 115–119.
2. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. 362 с.
3. Белова Т. А. «Конституционные проекты» 1730 г. // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 10-2. С. 369–372.
4. Бугров К. Д. Политический кризис 1730 г. и идеология деятельности провиденциального монархизма // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 2. С. 96–104.
5. Институционально-политическое развитие русского государства в контексте теории А. Грайфа / Д. Н. Ермаков, Г. Г. Попов, Г. Н. Канинская, В. М. Марасанова // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6. № 4. С. 324–333.
6. Иерусалимский Ю. Ю., Попов Г. Г. Противостояние Русского государства с государствами Чингизидов: макросоциологический и исторический аспекты // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 472. С. 104–114.
7. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века / сост. А. Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. 640 с.

8. Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с.
9. Ласточкина М. А., Ласточкин А. Н. Россия в мировом пространстве модернизации: ключевые проблемы и решения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1-1. С. 614–627.
10. Лысцова А. С. Внутриполитическая деятельность графа А. И. Остермана в 1730–1741 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 180 с.
11. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998. 654 с.
12. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого (изданы проекты Салтыкова, Курбатова, Зотова и др.). СПб: Типография В. Киршбаума, 1897. 86 с.
13. Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году: (Итоги источниковедческого изучения) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 117–130.
14. Попов Г. Г., Токмаков Д. С. Институциональные особенности противостояния России и Османской империи в XVIII веке // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 3. С. 58–69.
15. Попов Г. Г. Трудный путь русского «капитализма» в крепостнической России // Journal of Institutional Studies. 2023. Т. 15. № 1. С. 60–77.
16. Протасов Г. А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки. 1957. Вып. XV. С. 215–216.
17. Самохин К. В. Российская история сквозь призму теории модернизации: историографический аспект // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2023. № 48. Р. 10.
18. Сахаров А. Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 36–37.
19. Сборник исторических статей и материалов. Т. III / сост. О. А. Базунов. СПб.: Типография Майкова, 1873. 439 с.
20. Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. NJ: New Brunswick, 1982. 260 p.
21. Samokhin K. V. The Economic Development of the Russian State in the 17th–18th centuries: Modernization or Protomodernization // Bylye Gody. 2023. № 18. Р. 1091–1102.

REFERENCES

1. Alebastrova A. A., Yashina S. F. [Retrospective look at the history of the formation of the secondary education system in Russia in the context of modernization]. In: *Sovremennaya nauka* [Modern Science], 2022, no. 5-1, pp. 115–119.
2. Anisimov E. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2002. 362 p.
3. Belova T. A. [“Constitutional projects” of 1730]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2015, no. 10-2, pp. 369–372.
4. Bugrov K. D. [Political crisis of 1730 and the ideology of providential monarchism]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 2, pp. 96–104.
5. Ermakov D. N., Popov G. G., Kaninskaya G. N., Marasanova V. M. [Institutional and political development of the Russian state in the context of A. Greif's theory]. In: *Sotsialnyye i gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2020, vol. 6, no. 4, pp. 324–333.
6. Ierusalimsky Yu. Yu., Popov G. G. [Confrontation of the Russian state with the Chinggisid states: macrosociological and historical aspects]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, no. 472, pp. 104–114.
7. Medushevsky A. N., ed. *Konstitutsionnyye proyekty v Rossii XVIII – nachala XX veka* [Constitutional projects in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 640 p.
8. Kuzmin A. G. *Tatishchev* [Tatishchev]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1987. 368 p.
9. Lastochkina M. A., Lastochkin A. N. [Russia in the global space of modernization: key problems and solutions]. In: *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economy: yesterday, today, tomorrow], 2019, vol. 9, no. 1-1, pp. 614–627.
10. Lyscova A. S. *Vnutripoliticheskaya deyatel'nost' grafa A. I. Ostermana v 1730–1741 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic political activities of Count A. I. Osterman in 1730–1741: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Yekaterinburg, 2015. 180 p.
11. Medushevsky A. N. *Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in Comparative Perspective]. Moscow,

- ROSSPEN Publ., 1998. 654 p.
12. Pavlov-Silvansky N. *Proyekty reformy v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo (izdany projektov Saltykova, Kurbatova, Zotova i dr.)* [Reform Projects in the Notes of Peter the Great's Contemporaries (projects by Saltykov, Kurbatov, Zotov, and others were published)]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma Publ., 1897. 86 p.
 13. Plotnikov A. B. [Acts of Limiting Autocratic Power and Political Projects in Russia in 1730: (Results of Source Study)]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2008, no. 6, pp. 117–130.
 14. Popov G. G., Tokmakov D. S. [Institutional Features of the Confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the 18th Century] In: *Terra Economicus*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 58–69.
 15. Popov G. G. [The Difficult Path of Russian “Capitalism” in Feudal Russia]. In: *Journal of Institutional Studies*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 60–77.
 16. Protasov G. A. [“Conditions” of 1730 and Their Continuation]. In: *Uchenyye zapiski* [Scientific Notes], 1957, iss. XV, pp. 215–216.
 17. Samokhin K. V. [Russian History Through the Prism of Modernization Theory: A Historiographical Aspect]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii* [Bulletin of the East Siberian Open Academy], 2023, no. 48, pp. 10.
 18. Sakharov A. N. [Constitutional Projects and Civilizational Destinies of Russia]. In: *Konstitutsionnyye proyekty v Rossii. XVIII – nachalo XX v.* [Constitutional Projects in Russia. 18th – Early 20th century]. Moscow, 2000, pp. 36–37.
 19. Bazunov O. A., ed. *Sbornik istoricheskikh statey i materialov. T. III* [Collection of historical articles and materials. Vol. III]. St. Petersburg, Tipografiya Maikova Publ., 1873. 439 p.
 20. Meehan-Waters B. *Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730*. New Brunswick, 1982. 260 p.
 21. Samokhin K. V. The Economic Development of the Russian State in the 17th–18th centuries: Modernization or Protomodernization. In: *Bylye Gody*, 2023, no. 18, pp. 1091–1102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Токмаков Дмитрий Сергеевич – старший преподаватель Ставропольского государственного аграрного университета;

e-mail: serge.tokmakov@mail.ru

Попов Григорий Германович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации;

e-mail: GGPopov2009@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry S. Tokmakov – Senior Lecturer, Stavropol State Agrarian University;

e-mail: serge.tokmakov@mail.ru

Gregory G. Popov – Cand. Sci. (Economy), Senior Researcher, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

e-mail: GGPopov2009@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Токмаков Д. С., Попов Г. Г. Правовые проекты Верховного тайного совета в январе-феврале 1730 г. как начало раннего конституционализма в Российской империи // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 14–23.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-14-23

FOR CITATION

Tokmakov D. S., Popov G. G. Legal Projects of the Supreme Privy Council in January-February 1730 as the Beginning of Early Constitutionalism in the Russian Empire. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 14–23.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-14-23